

ДОМОЙ

Баден. Городок будто из сказки. Идеальнее не бывает. Разноцветные домики под черепичными крышами, вымощенные булыжником улочки, колокольчики на дверях. К обеду городок наполнится запахами жареных шницелей, официанты вынесут дымящиеся тарелки размевшим от весеннего солнца посетителям за уличными столиками, практиканты займут лавочки на бульваре, уплетая брецели. А на нижнем этаже кафе на центральной площади в полдень по понедельникам и средам компания ленивых старичков играет в преферанс – на деньги. Возле каждого выстраиваются аккуратные столбики монет по евроценту, азарт в таком деле важен! Их более активные сверстники малыми группами или поодиночке каждый день покоряют гористый парк: в полной экипировке, солнечных очках и со спортивными палочками. Воздух в парке волшебный, чистота природная, на каждом повороте развешены набитые цельными орехами сетки – кормушки для белок. Даже в парке этого малюсенького городка всюду указатели, инструкции, телефоны экстренных вызовов. Туда не ходи, сюда ходи... Всё должно быть по предписанию.

Всё здесь ровно, размеренно. На работу опоздать сложно. То есть можно исхитриться – но это, считай, провалил дело. Отговорка «за-

держался автобус» будет звучать крайне странно. Автобус придёт ровно в то время, которое указано на табло. Изо дня в день, месяц за месяцем, год за годом...

Запись в префектуру. Очередь как обычно. Талончики. Вокруг одни арабы. Новые жители Европы. Тоже люди, понятное дело. Только что же они не моются. Весна на улице, а они так и сидят в дублёнках. Окна закрыты наглухо, дышать нечем. Ничего, справимся. У нас уже иммунитет к вашей системе выработался за полтора года. Это ж подумать только: одиннадцать месяцев после свадьбы жили в разных странах! И какое вам было дело до дохода моего мужа и его жилплощади? Спасибо, что озаботились, чтобы муж-европеец привёз свою жену не в халупу, а в нормальное жильё, но мы могли бы уж как-нибудь сами разобраться! О, завелась опять. Спокойно, Даша. Дышим. Осталось всего два человека впереди.

Это уже третья попытка. Бог трицу любит. Только бы не развернули. Дедуля умирает, домой попасть надо. А чтобы назад пустили, этот штамп в паспорт получить необходимо. Новый паспорт «счастливой европейки» готовить ещё год могут, а домой надо съездить сейчас. С первых двух раз мы друг друга не поняли. Действительно, куда я собралась, дед же не умер ещё, значит, не на похороны, не его донор (я бы с удо-

вольствием, только нельзя поделиться молодостью) – значит, не экстренная ситуация. И связь только через поколение, тут три фамилии разных, извольте доказать родство. Да и зачем мне туда, в Россию, когда я замужем здесь, в прекрасной стране, и мне должны выдать паспорт через месяц-другой! Неужели дед подождать не может? Не говорите, удивительно эгоистичны эти старики...

Ничего, справимся. Дедуля, ты продержись ещё, родной, я обязательно приеду. Не уходи без меня, миленький. Ты же... ты же мне ближе всех, подожди чуть-чуть. Деда, как в детстве. Уткнуться в тебя и плакать-плакать о несправедливостях мира. А ты гладишь по голове, обнимаешь, что-то бормочешь шёпотом. Ты как будто один по-настоящему понял про Йозефа. Хотя Наташка сказала, что ты, наверное, уже совсем не в себе был, раз одобрил мой брак с потомком фашистов. Дура она, даром что сестра родная. Ей хоть доказательства приведи, что он вообще из австрийских евреев, бабка в лагере едва выжила. Нет же, как заладит. Невыносима стала. А сколько раз в детстве ты нас разнимал, помнишь? Всё говорил, самые близкие мы с ней, держаться друг за друга надо. Куда там, и десятой части, чем с тобой делилась, не расскажу ей. Не поймёт...

Зазвонил телефон. На экране высветилось: Хайбс. Хозяин квартиры. Ох, не к добру. Пунктуальные австрийцы, они не будут названивать своим арендаторам, приезжать в сдаваемое жильё с проверками или тем более, как у нас любят, оставлять там свои вещи! Даже если оплата не поступила в срок, они напишут письмо... Раз звонит – значит, что-то не так. Очередь двигается медленно...

– Добрый день, герр Хайбс!

Как всегда чрезмерно вежливый: как дела, как здоровье, как в квартире...

Давай уже, рассказывай, с чем звонишь?

На том конце вежливая пауза:

– Фрау Шольманн, я несколько обеспокоен. Мне звонила фрау Рутберг...

О, можешь не продолжать! Началось. Старая дева, мерзостная баба! Значит, решила через тебя продавливать.

– Она всё ещё жалуется, что вы мешаєте ей спать, стуча дверями и принимая душ после полуночи. У неё появились проблемы со сном, из-за чего утром она совершенно не может подняться на работу.

У неё не со сном проблемы, а с личной жизнью! Неудивительно: с таким характером и вечно поджатыми в злобной улыбке губами – кому нужна эта мегера.

– Я озвучил ей, что это, видимо, недоразумение, ведь мы с вами обсуждали эту м-м-м... проблему в прошлом и позапрошлом месяце и, как мне казалось, смогли договориться о соблюдении тишины. Я абсолютно уверен, что вы не хотели причинять неудобство фрау Рутберг.

Неудобство? Да я б её прибила, была б моя воля, отравила бы поганую тётку, вечно лезущую со своими «правилами нашего дома»!

– Но я вынужден вас настоятельно просить о соблюдении тишины после девяти часов вечера.

Да пусть ещё скажет, в какое время мне спать ложиться и сколько раз за ночь можно сходить в туалет! Она, видите ли, слышит, как работает наш водопровод! Ей бы в разведчицы пойти! Небось, понимала б английский – и наши разговоры бы её возмущали!

– В противном случае фрау Рутберг готова обращаться в совет дома...

О, ещё один волшебный бюрократический орган. И оттуда уже на мозг капали.

87 – Мне бы не хотелось, чтобы зашло так далеко, вы понимаете меня?

– Да, конечно, герр Хайбс, я вас поняла. У мужа была рабочая командировка, и я поздно встречала его в аэропорту. Мы всегда стараемся входить тихо. К сожалению, слышимость в доме очень хорошая.

– Да-да, вы говорили. Странно, раньше жильцы не жаловались... Понимаете ли, мы здесь привыкли очень рано ложиться и рано вставать.

Опять намёк – «мы здесь», а я, конечно, «не здесь»...

– Вы очень приятная пара... И мне бы не хотелось, чтобы совет дома вынудил меня расторгнуть с вами контракт.

Что?! Из-за этой старой мегеры расторгнуть контракт?

– Ведь соблюдение правил тишины является обязательным пунктом договора...

– Конечно, герр Хайбс, я поняла вас. Мне очень жаль, что мы доставили неудобства фрау Рутберг. Йозеф поговорит с ней, и мы обязательно придём к согласию.

– О да, это было бы замечательно. Хорошего дня, фрау Шольманн!

Да, чувствую, просто шикарный у меня день будет...

– Спасибо, герр Хайбс! И вам приятного дня!

Даша, хоть и по-русски, но всё же шёпотом выругалась в экран телефона, представляя физиономию противной соседки. Даше, похоже, единственной было понятно, что причина не в шуме: до её переезда соседка очень тепло, даже, пожалуй, слишком тепло относилась к Йозефу, несмотря на его регулярные попойки с друзьями. Набилась ему в «мамочки», старая дева. А тут приехала даже не девушка – жена, да ещё и русская! Хоть и фонтанируют нынче европейцы толерантностью, но фрау Рутберг не успела замаскировать своё возмущение и даже, пожалуй, брезгливость за поджатой улыбкой. Правда, иногда... иногда Даше начинало казаться, что она сама так и не смогла ощутить себя здесь своей. Как будто это ей не хватало пресловутой толерантности ко всему, что окружало...

Днём мысли о чужом и чуждом Даша разогнала имитацией активной деятельности. Особенно в начале своей жизни в Бадене: то передвинет мебель, то купит новую скатерть, то развесит журавликов из бумаги. На Новый год нарисовала ёлку прямо на стене. (Йозеф улыбнулся, конечно, но всё же уточнил, смывается ли краска, а то ж контракт аренды...) Иногда ходила на целый день в термы, особенно первые недели – какое блаженство: за такие копейки недельный абонемент, как один московский поход в кино! Каскады бассейнов с каналом на улицу. Вот она – Европа! Вечерние огни, сверху осенний туман, над водой стелется пар. А ты лежишь в тёплом джакузи, медитируя под шуршание фонтанов.

Часто выбиралась в Вену, благо трамвай (так похожий на наш, московский, жаль только совсем не гремющий) соединял их малюсенький городок со столицей всего за сорок минут. Шумная центральная улица, толпы туристов, сверкающие витрины сувенирных лавок, каток на главной площади... Постепенно и это начало приедаться. Тогда она стала ездить на окраину Вены в огромные торговые центры, пустовавшие днём. Ходила и представляла, какую бы музыку она запускала в каждом магазинчике, будь она директором. Вот домашний текстиль, вам подойдёт Шостакович, надо поднимать эмоциональный настрой пенсионерок. А вот книжный, здесь что-то современное, но совсем приглушённое, почти невнятное, можно из её юности, Моби.

Книголюбам нужно аудиопространство для своих мыслей, не давите на творческих людей...

Глупо, конечно, по московским меркам это попросту сливание времени, а что прикажете делать, пока паспорт не дали, официально работать она не может. А неофициально попробовала было, на объявление в интернете тут же откликнулись русские мамочки, желающие нанять выпускницу консерватории своим чадам в училки. Она с такой радостью показала их письма Йозефу, но он очень твёрдо попросил не рисковать: «Что скажут люди, если узнают? Фрау Шольманн работает по-чёрному!». И всё равно ему, что вся русская диаспора только на том и держится здесь, что нанимает друг друга по-чёрному. Откуда ему знать про русскую диаспору! И вообще – она собиралась интегрироваться, а не держаться привычек низкоквалифицированных иммигрантов. Вот и пришлось затыкать растущую дыру хоть чем-то.

Ночью, когда Йозеф тихо спал рядом, а она всё ворочалась, особенно остро накатывало это детское ощущение потерянности, как будто тебя привели в новый класс, новую школу, все такие злобные или в лучшем случае тебя просто игнорируют... И придётся самой разбираться в их правилах и обычаях, в их дружеских коалициях, в учителях. И как же не хочется, как боязно это, а подержаться, спрятаться не за кого. Мама работает сутками, а дедуля привёл и ушёл домой, заберёт только после обеда... А теперь и после обеда никто не заберёт. Она здесь насовсем. Одна.

На табло регистратуры загорелся Дашин номер. Надо идти. Она рассеянно прижала к груди папку с документами и поплелась к своему окошку. Ничего приятного сегодня, похоже, не предвидится.

Даша не шла, а как будто летела из здания префектуры, боясь признаться себе в радости. Ей казалось, она ехала не прощаться, а просто увидеться с дедулей, домой ехала. Не была там уже полгода, а теперь вот повод... горький. Но домой!

Йозеф воспринял её радость сдержанно. Удивился, зачем лететь на неделю, если только попрощаться: «Не будешь же ты там сидеть и ждать, когда он умрёт, это как-то нехорошо». И непонятно было это его «нехорошо» – про что именно оно. Эх, не важно. Она получила нужную печать. Уже стоя на ступенях, полчаса потрати-

ла, чтобы купить через сайт билеты, хотя удобнее было бы за компьютером, чем ковыряться с телефоном, тем более что домой идти пятнадцать минут, не больше. Но всё хотелось сделать скорее, как будто кто-то мог ещё помешать. Она по инерции зашла в аптеку, шагнула к знакомой полке, потянулась было... Внутри гулко отозвалось: «Теперь уже не надо...»

Каждую свою поездку она привозила деду новейшие ноотропы, чтобы хоть как-то поддерживать кровоснабжение мозга. Каких трудов стоило выбить разрешение на покупку (здесь без рецепта сможешь добыть разве что леденцы от кашля да аспирин). Сначала рецепты из Москвы, потом нотариальные переводы, подтверждения в австрийской клинике, выписки, страховки, вся эта бесконечная бумажная волокита... Но оно того стоило! Дед после каждого курса преображался, молодец лет на десять, с удовольствием читал, делился своими наблюдениями, меньше повторял древние истории, снова подсмеивался над собой.

Знакомый фармацевт поприветствовал Дашу. Она машинально кивнула в ответ, зачем-то невнятно пробурчала, что забыла рецепт, и торпливо вышла.

* * *

Дед лежал на любимом своём, давно продавленном диване. Не дал выбросить его ещё лет восемь назад: «Всё равно скоро помирать, уж не заставляйте старика привыкать заново». В комнате пахло ускользящей жизнью. Так пахнет утром в сентябре уходящим летом. Или ещё ярче в марте: до весны с её поющими птицами, капелями и гормонами ещё недели две, а зима печально уходит, и мир будто брошен, остаётся между двумя временами года. И люди потерянные озадаченно высматривают в окнах вестников нового сезона. И вроде надоел старый, но и подвисать вот так «где-то между» не хочется. И все какие-то недоспавшие, неуверенные, ждут сигнала свыше, когда природа снова о них вспомнит.

Дедуля... Кто же теперь придёт на смену? Кто будет... даже не то что рядом, нет. Давно уже не плакала тебе в жилетку, давно не набирала твой номер дрожащими от обиды пальцами, не слышала с первых всхлипов: «Дудочка моя, кто обидел?». Давно уже веду с тобой диалог в душе, а не по телефону. Ты, мудрый, рассудительный, последние годы всё таял потихоньку, рас-

творялся, но в душе у меня оставался вездулей, который и во дворе защитит, и про папу вздохнёт вместе, и слова найдёт нужные. Достаточно было просто знать, что ты есть, существуешь, а общаться можно и в мыслях. Но при этом ты всё равно был, жил, пусть и всё меньше осознавая реальность. А теперь... теперь ты уходишь и физически. И уже себя не обманешь, тебя совсем не станет...

– Дедуль, привет! – Даша не знала, что говорить дальше. Просто присела рядом и погладила деда по холодной, сморщившейся руке. Что ни скажешь – всё слишком глупо в такой момент.

– А... ну та... – прошелестел дед и как будто улыбнулся. – Ну та...

– Дедуля, узнаёшь? – Даше стало тепло, дед, давно уже впавший в забытие, смотрел на неё и как будто вспоминал.

Сейчас ей хотелось, чтобы он сказал как можно больше, чтобы слова эти унести, увезти с собой, уложить в душе, перебирать с трепетом, возвращаться к ним с нежностью, когда тяжело. Хотя бы от деда получить этот «клад», ведь с папой попрощаться не удалось.

Папа умер в доме чужой женщины, и другая маленькая девочка держала его за руку и слушала его последние слова. Даша всё это узнала лишь годы спустя. Так и не простила – сама не знала, кого больше: папу, который бросил дважды, сначала уйдя из семьи, а потом уйдя из жизни. Или маму, которая знала, где умирал отец, ездила к нему, а дочерей не взяла, не дала попрощаться, думала, скроет от них другую его жизнь.

Может, и права была мама. Ни Даша, ни Наташа не испытали бы в тот момент радости от того, что у отца была ещё одна дочь, о которой он молчал. Впрочем, после смерти отца об этом также не говорили. Правда выяснилась, но осуждать её или делать с ней что-то не хотелось. Слишком тяжело было в тот момент само осознание папиной смерти, чтобы ещё переварить ревность и боль от предательства.

Даже родители отца тактично молчали, прощая тепло общаться с внуками от законной жены, помогать и советом, и деньгами. Дед был готов выслушать, обнять, успокоить. Когда показывал свои ордена, всегда прибавлял: «Гордость, она ни к чему. Я их заслужил, я и распоряжаться ими могу. Заберёте себе после моей смерти. Поровну разделите. Если так у вас в жизни сложится, что нужны будут деньги, – вспомните о деде,

83

продадите. Это и будет моя вам помощь оттуда. Это не стыдно, это моё вам завещание, чтобы знали, чувствовали защиту деда».

Даша никогда не задумывалась, бывала ли и третья внучка в их доме, показывал ли дед ей свои награды. Той как будто не существовало в мире Даши. Она жестоко пресекала попытки матери пожаловаться на несправедливость мира, на мужиков этих неверных. Особенно маму «накрывало» при обсуждении жилья. Нет-нет да и ввернёт, что, мол, как хорошо, что квартира была только на неё записана, а то пришлось бы не двум дочерям её делить, а «сама знаешь, с кем судиться».

– А... ну та.

– Да, дедуль? Воды дать? – Даша погладила влажный лоб.

Дед был такой маленький, едва ощутимый. Она поднесла стакан с трубочкой, аккуратно придерживая голову деда. Чтобы отогнать щемящее чувство потери, начала сбивчиво и быстро рассказывать какие-то эпизоды детства. Все путалось, мешалось. Но ей хотелось говорить, говорить не смолкая, только не было бы этой тишины и натянутых попыток деда что-то произнести.

– Анюта, – дед произнёс это настолько чётко, что Даша на мгновение растерялась, не поверив.

– Деда, это я – Даша! Даша, дедуль! Это я, твоя внучка, дудочка.

Дед чуть заметно улыбнулся.

– Дашенька хорошая, – едва слышно зашептал он. – Ты с ней подружилась? Анюта, папа хотел, чтобы ты с Дашенькой... подружилась.

Даша замерла оглушённая. *He узнал?! He...*

Она улыбнулась дрожащими губами.

– Я люблю тебя, дедуля. Очень люблю.

Крепко сжала ледяную руку, поднялась и, отсчитывая глубокие вдохи, вышла из комнаты.

– Сейчас Наташа едет. Как он там? – Бабушка, совсем измаявшаяся за последний год с лежачим дедом, суетливо бросалась от одного дела к другому. То посуду начнёт перетирать, то бельё стирать. Она говорила с Дашей, вглядываясь в щёлку прикрытой двери. – Врач с утра сказал, что до вечера вряд ли дотянет. Говорит ещё иль задремал? И сидеть-то тяжело рядом, да попрощаться боюсь не успеть.

– Да, бабуль. Пока говорит. Ты иди к нему.

Даша подошла к окну. Во дворе малыш бросал птицам кусочки хлеба, и как только они на-

чинали есть, тут же с радостными криками пытался поймать единственного белого голубя. Голубь в страхе убежал, потом снова возвращался, пытаясь ухватить остатки крошек. А малыш всё гонял его по площадке. Наконец, встревоженная птица полетела вверх, чтобы усесться передохнуть на окне в доме напротив. Даша смотрела, как голубь, хлопая крыльями, быстро постукивал скользящими лапками, пробуя ухватиться за откос. Безуспешно. Коготкам не удавалось удержаться на металлической плоскости. Он порхнул вниз, но, едва заметив бегущего ребёнка, снова замахал крыльями, и улетел уже совсем, так и не прилеткувшись нигде...

Даша достала телефон. Нашла на сайте номер.

– Алло? Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, можно поменять билет с четверга на сегодня, рейс Москва – Вена? Сколько доплатить?

ПЕРВЕНЕЦ

Лида в который раз пыталась сложить ноги поудобнее. Никак не получалось найти нужную позу. Разозлилась, резко встала, но голова закружилась. Снова села на край кровати, начала раздражённо постукивать по холодному металлическому изголовью. Решётки... Везде решётки: на окнах, на кроватях, ещё бы шкафы решётчатые сделали... Ходить от окна до двери надоело. Стала расковыривать трещину в штукатурке на стене. Потом вдруг почувствовала очередные толчки. Подняла футболку и уставилась на свой живот, на котором то появлялись, то исчезали бугорки.

Там что-то происходило. Что-то, что раньше не касалось Лиды. А последние два дня её лишили всего остального мира, и вот она осталась наедине с этими толчками.

Накануне тощая медсестра ставила Лиде капельницу и, видно, от скуки спросила, мол, как зовут. Лида не сразу поняла, про кого она. Та кивнула на живот: «Назовёшь как?» Лида удивлённо разглядывала мужеподобную тётку: сухая, с одутловатым алкогольным лицом и короткой стрижкой под ёжик. Алкоголиков Лида определяла легко, даже тех, кто работал и выглядел прилично. Тётка смотрела безразлично, двигалась как робот. А потом сказала, что надо разговаривать с ребёнком, чтобы слышал голос. Лида только и смогла промямлить: «А о чём?» Медсестра уставилась на Лиду стеклянными глазами: «О погоде».

И вот ребёнок там снова шевелился. Кто его знает, просит что-то или просто переворачивается? У него уже есть руки и ноги, наверное... А волосы? Они с волосами рождаются или лысые? Да какая разница. Лида старалась отгонять эти мысли. Они приводили всё к новым и новым вопросам. А в конце – в конце вообще непонятно. Несколько месяцев получалось об этом не думать. Лида жила с ощущением, что можно будет задуматься потом, что ещё есть время. И вот это «потом» настало. А думать совсем не хотелось. От мыслей в голове начало пульсировать, хотелось бежать отсюда скорее... Лида снова упёрлась взглядом в решётку на окне.

Через три дня она неспешно поднималась по лестнице женской консультации, поторапливаемая Алевтиной – тучной социальной работницей, которая резво семенила, хоть и краснела всё гуще с каждым пролётом. Они опаздывали. Лида специально тянула время при выходе из центра и здесь, в холле поликлиники.

Врачиха приняла вне очереди, хотя и была недовольна. Лида разглядывала непонятные картинки на стенах: развитие плода по месяцам. Фотография девушки на плакате была дополнена рисунками наподобие иллюстраций школьных учебников. Лицо девушки не менялось, а живот становился всё больше, эмбрион увеличивался и менял положение. Лиду затошнило. Ей казалось, он какой-то уродливый, скрюченный. Такие кривые ноги наверняка не смогут ходить. Похоже, он был слепым! Лида взглянула на лицо девушки: та выглядела счастливой. С чего бы?

– Так... значит, постановка на учёт, – услышала Лида голос врачихи. – Ты бы ещё на сороковой неделе пришла...

– Да вот как её привезли, так мы сразу к вам, – вступилась ещё не отдышавшаяся Алевтина.

Доктор смерила социального работника недовольным взглядом.

– Где до этого была? Где наблюдалась?

– Да так... – Лида ощутила подкатывающую тошноту, ладони вспотели. Хоть бы отвлечься. Мерзко. Тяга пошла. Сбежать бы скорее, да куда тут. Живот разросся. Жирная утка. Надо хитростью. Как из больницы. Думай. А чем думать, мозг не варит. Сейчас бы хоть один укольчик, хоть маленький. Просто, чтоб в себя прийти.

– Доктор, там выписка из детдома. Она как из больнички-то сбежала зимой, так вот её всё искали.

– Я вообще-то не пряталась! – огрызнулась Лида. – В детдоме знали, где я была. Им лень приезжать было.

– Сиди уж! – шикнула Алевтина.

– Ну и где же ты была всё это время? – доктор смотрела мягче, как будто озадаченно. Переводила взгляд с Лидиногo живота на теребящие край футболки пальцы.

– У молодого человека... своего.

– Молодой! – фыркнула Алевтина. – Сорок шесть лет – юнец просто! Уж ты, Лида, давай тут дуру-то не валяй! Время не тяни. Некогда доктору твои сказки слушать! Наркоманила, так и говори, теперь вот и расхлёбываешь своё! А этого твоего упечь бы пожизненно за такие дела, так ведь никто не займётся! Сам – наркоман паршивый и девку за собой уволок!

Медсестра оторвалась от талончиков и нерешительно взглянула на врача. Та, опустив взгляд, чуть хрипло сказала:

– Алина, сходи-ка... К-хм, сходите, пожалуйста, с социальным работником к заведующей, надо оформить документы на государственного ребёнка и рецепты на витамины и молоко.

Медсестра поднялась:

– Идёмте, я вас провожу. Девочка несовершеннолетняя, нужно ваше согласие, как представителя опекуна.

– Да, – окликнула врач. – Потом ждите в коридоре, осмотр буду проводить без посторонних.

– Да я что, я с радостью! Вот только за ней, доктор, глаз да глаз нужен! Вы учтите, из наркологички сбежала, из приюта сбежала, а нам вот теперь отвечай!

– Я поняла, идите.

Врач замолчала. Уставилась куда-то, так и замерла. Потом как будто заметила Лиду и немного нахмурилась.

– Значит, срок беременности не точный?

– Ну да.

– А почему до этого никуда не обратилась? Или обращалась?

– Да как-то не до этого. Виталик сказал: «Рожай».

– Виталик – это тот мужчина, который старше тебя?

– Да. Наркоман.

– Ты... тоже употребляешь?

– Да. – Лида отвечала быстро, на выдохе, не дослушав вопрос. За последнюю неделю посе-

85

щения всех этих детских комнат, приютов, инстанций она повторяла свою историю не раз.

– Значит, и во время беременности?

– Да.

– Внутривенно? Как часто?

– Раза три-четыре в неделю, – отвечала она всё так же быстро, пока не передумала говорить, как есть.

– Как насчёт стерильности?

– Плохо. Там вон в карте есть все анализы.

Только сейчас врач посмотрела на кипу бумажек, разложенных у неё на столе. В анамнезе значился ВИЧ-положительный статус, впервые выявленный два года назад.

– Это он тебя наградил или кто-то ещё?

– Не, наверное, кто-то ещё. Виталик говорит, он чистый.

– В смысле, говорит? Ты анализы его видела?

– Не-а. А зачем ему врать? Это ж он хотел ребёнка.

– Если ты от него забеременела, то теперь он тоже инфицирован.

– Да?

Врачиха внимательно взглянула, помолчала.

– Так, а что ты думаешь с родами? Тебя вообще кто-то консультировал за это время? Хоть один врач?

– Нет. Я у Виталика жила. Я же сказала. Он говорит: «Рожай, деньги будут».

– «Он говорит, рожай...» – эхом повторила врач. – Так, ладно. Нам надо с тобой многое успеть обсудить. Давай попробуем поговорить честно.

– Да я и не вру. Чё теперь врать-то. Только пить очень хочется.

– Сейчас мы обсудим, и попьёшь в коридоре. Лида, твой ребёнок может заразиться от тебя ВИЧ-инфекцией. Но если приложить усилия, он может родиться относительно здоровым.

– Да какой он здоровый, он же уже наркоман там, да? Как я.

– Сейчас речь не об этом. Если сделать кесарево сечение, то риск заражения во время родов значительно снижается. То есть если мы проведём операцию, то он может родиться без ВИЧ, понимаешь?

– А это больно?

– Нет, операция проводится под наркозом и быстрее обычных родов. Потом чуть дольше восстанавливаться, но нам важно сейчас думать не об этом.

– Ну да, я согласна. Только вон соцработники, они же вроде всё теперь решают, мне нет восемнадцати.

– Решать будем мы с тобой. Но здесь есть одно «но». Операцию нужно успеть сделать до начала схваток. Обычно на тридцать восьмой неделе. Пока мы не знаем, какой у тебя срок. Но учитывая твои побеги...

– Что?

– Ты сможешь дотерпеть до тридцать восьмой или опять убежишь?

Лиде не хотелось врать. Врачиха первая за эту неделю, кто хотя бы не пилил, не давил на вину. Хотя у Лиды уже выработался иммунитет к таким разговорам, но чего она только не наслушалась и в полиции, и в детском доме. А ведь какое их дело...

– Да куда тут сбежишь, я вон едва хожу.

– Человек *зависимый* может убежать и при более сложных обстоятельствах... – Она недолго помолчала и продолжила как будто сама с собой. – Я видела молодого человека, который из реабилитационного центра сбежал, сломав ногу, когда выпрыгнул из окна. Это не помешало ему бежать дальше и ещё две недели лежать в при-tone с распухшей посиневшей ногой, пока не нашли.

– Ни фиги себе! – Лида было ухмыльнулась, но доктор посмотрела на неё как-то странно, скривившись, как от боли.

– Лида... А ты сама-то хотела рожать?

Лида постаралась отвечать так же на выдохе, быстро и по делу. Но с каждым разом говорить становилось сложнее. Почему-то с соцработниками и их нотациями было проще. Они обвиняли, Лида огрызалась. Злиться было проще. А сейчас, когда врачиха говорит «мы» и «нам»... Как бы не разреветься.

– Сейчас, конечно, ничего уже не изменишь. Надо будет рожать. Судя по размеру, тебе осталось немного. Как я понимаю, до этого родов у тебя не было. А аборт или выкидыши?

– Ну... чтобы у гинеколога делали аборт – нет.

– В смысле?

– Был один. Мать таблетки купила.

– Ты имеешь в виду не операционный, а медикаментозный аборт? Давно?

– В одиннадцать. Только я не знаю, это беременность была или просто.

– А зачем тогда таблетки, если неточная беременность?

— А мамкин сожитель меня изнасиловал со своим другом. Она тогда отрубилась от героина. А они того. Она проснулась, ну и поняла. Наорала на него. И в аптеку со мной потащилась. Мать сказала, что на всякий случай, а то мало ли: забеременеть от таких...

— Господи, в одиннадцать...

— Да это давно уже было, не переживайте. Мать его выгнала, но он нам денег дал тогда много. Правда, мамка, наверное, их все спустила, я не помню. Потом меня бабка к себе забрала. А этот мужик снова к матери переехал.

— И в милицию не заявляли?

— Не-а. Мамка сказала никому не рассказывать. Ещё меня обругала: вечно я дома ошиваюсь, вот и неприятности. Я только года два назад рассказала психологу в приюте. Она говорит, наверное, потому я к мужикам старым и бегаю, что у меня вроде как травма.

Лида тараторила всё быстрее. Она ничего не чувствовала, когда это рассказывала. Но обычно те, кто слушал, ужасались или почти плакали. Странно было это видеть и ничего не ощущать...

В дверь заглянула Алевтина:

— Доктор, я всё оформила. Мне чего с ней, на УЗИ ещё? Это мне сейчас талон взять в общую очередь или нам приехать в другой день? Нам бы лучше сейчас, а то сбежит опять, она ведь беглая у нас, даже не думает, что беременная! А у нас машина одна. Таких, как она, ещё пятнадцать девок. Только поумнее.

Доктор раздражённо подняла глаза.

— Ждите в коридоре. — Потом посмотрела на Лиду. — Тебе, получается, больше некуда пойти, только к ним? Они ж тебя съедят своими нравочениями... Может, есть сёстры или тётки? Не хотелось бы, чтобы их нотации спровоцировали тебя на побег. И здоровым самостоятельным женщинам иногда беременность даётся нелегко, особенно когда вокруг некому пожаловаться. Здесь у меня часто ноют. А тебе, несовершеннолетней, без семьи, с постоянными мыслями о наркотиках... Их упрёки могут тебя окончательно измотать, не выдержишь — уйдёшь ведь...

Зря она сказала про упрёки. Копившееся за последнюю неделю напряжение наконец прорвалось слезами. Рыдать или подвывать Лида разучилась давно: через год, как забрали от матери. Видимо, прорыдала всё там, в первом ещё приюте. Но сейчас так жалко себя стало, оттого что идти некуда, и даже единственную радость —

героин — отобрали. А там, на свободе, Виталик гуляет, и ему хорошо...

— Да она мне всю неделю мозг пилят, какая я бесстыжая. И запугивают, что ребёнок будет большой, оттого мне придётся труднее, чем другим девочкам, — с инвалидом на руках. А я сама виновата, потому что бессовестная, убивать ребёнка наркотиками. Ещё всё время водят на беседу с какой-то настоятельницей. Она меня пугает, как надо будет ребёнка воспитывать. Что Бог дал мне ребёнка, чтобы я жизнь поменяла. И если даст большого, то чтобы грехи мои искупать мучениями... А и так жить тошно! Сил нет, ходить тяжело. Как я с ним потом — я же вообще ничего не знаю! Я не хочу никого растить, я плохая мать буду, у нас в роду не было хороших!

Врач встала. Налила в стакан воды из-под крана.

— На, попей. — Она подошла так близко, как будто вот-вот обнимет. Лида невольно отстранилась, но доктор только отдала стакан и отошла к окну. — Поплачь, Лида. Тебе можно. Ты беременная. Ты умничка...

Потом они долго молчали. Врачиха о чём-то своём у окна. А Лида всё никак не могла унять слёзы: только вытрет, а они снова.

— Всё у нас получится. Сейчас бумаги оформим, сходим вместе на УЗИ и посчитаем, сколько нам нужно дотянуть до кесарева. Всем беременным тяжело, тебе тем более. Поплачь, может, хоть чуть легче станет.

Она вернулась за стол, когда Лида перестала всхлипывать.

— Давай мы с тобой договоримся. Я знаю... ждате обещаний от наркомана — дело глупое. Я и не прошу. Давай мы просто договоримся, что ты попробуешь дотянуть до кесарева. Ведь если ты убежишь, Лида, ты не вернёшься. Мы же обе понимаем, где ты будешь. И будешь там прятаться до самых схваток. А там поздно будет оперировать. Да и роды для тебя будут тяжёлым испытанием. Это физически тяжело.

— Да я понимаю. Я не сбегу.

— Ты просто постарайся поставить себе одну цель. Ничего большего. Очень прошу, не думай, оставишь малыша себе или нет. Ты уже дала этому ребёнку, что могла. Лучшее, что ты можешь сейчас сделать, — попробовать помочь ему родиться без ВИЧ-инфекции. А уж будут силы или нет, захочешь ли воспитывать — это ты станешь решать сама, в любой момент. Поняла меня? В любой!

– Да вроде. Но они говорят: потом – привязанность... Сама не откажусь. Правда, я совсем не понимаю, что надо будет делать... Как это... Там, конечно, в центре помогают, но они запугивают, что ночи бессонные и что никто за меня ничего делать не будет, притворщицам-наркоманкам не верят... – Лида снова почувствовала, что ревет. Это было так непривычно. Наверное, первый раз за последние полтора года. И как будто легче от этого становилось. Хотелось плакать и плакать.

– Так, Лида, соберись. Ты забыла, о чём мы договорились. Наша цель – просто дотянуть до кесарева. И всё. Дальше – даже не думай ни о чём. Болтают эти соцработники, а ты не слушай, кивай просто. А сама думай: «Мне бы только до кесарева, а там выдохну». Поняла меня? Твой финиш – кесарево, всё.

– Угу, – прошмыгала Лида.

То ли от слёз, то ли от тона доктора, но ей как будто стало легче. Начал рассеиваться жуткий страх от слов «будущая мама». Эти навязчивые картинки больного, скрюченного младенца. Если только до кесарева – можно попробовать. Тем более если под наркозом. А то эта монашка как затянет своё про муки роженицы, аж до дурноты. Половину слов не понять, что то про грехи... Стоп, не думать... Надо не думать. Как врачиха сказала: просто кивать и всё. Надо попробовать.

– Ну что, сейчас ходим с тобой на УЗИ, и поедешь отдыхать. Тебе нужно сейчас побольше отдыхать и научиться играть в глухую. У тебя важная миссия: дотянуть до кесарева.

– А это... осмотр?

– Да какой осмотр на твоём сроке. Только УЗИ теперь и померить живот. Это я так, чтобы выпроводить твою надзирательницу.

Они прощались после выхода из кабинета УЗИ.

– Тридцать три недели, девочка. По УЗИ – пока без явных патологий.

– Спасибо, – Лида не знала, как завершить разговор. – Мне ещё к вам прийти... можно? То есть... это... надо ещё?

– Да, Лида. Тебя должны привезти через десять дней, тогда будут готовы анализы, и мы всё обсудим. Береги себя, отдыхай. Жду тебя через десять дней, постарайся приехать.

– Спасибо... что поговорили...

Доктор кивнула и двинулась дальше по тусклому коридору. Сначала хотела было отвести в сторону соцработника на пару слов: попытаться объяснить ей, что давить на Лиду сейчас нельзя. Иначе точно сбежит. Да и что за бред: оставить новорождённого Лиде. Девочка ведь малыша к себе в притон потащит... Но потом поймала себя на мысли, что снова начинает играть в спасателя. Где она – грань бессилия и безразличия... Где грань чужой и своей истории...

Она открыла дверь в туалет. Никого. Подошла к наполовину покрашенному окну и открыла тугую форточку. Задышалось легче. Достала телефон, пролистала недавние вызовы... Нешла. Набрала вручную цифры. Телефон высветил: «Лёшенька»... Никто не отвечал. Она начала набирать сообщение, но после слова «сынок» не смогла ничего написать... Где ты... как нога... приезжай... возвращайся... Всё это было не то. Ответа она не получит.

Она родила своего первенца в тридцать четыре года. «Старородящая»... Родила здорового, красивого мальчишку... В детском саду он заболел гломерулонефритом, стал инвалидом, набрал огромный вес, почти не мог ходить... Пять лет она практически носила его на руках, лежала с ним по больницам, не давала посадить на гормоны. И всё-таки вытасила его каким-то чудом... К началу шестого класса по его инициативе они отказались от инвалидности, от всех полагающихся льгот и пособий... Хотя с деньгами тогда было очень туго... Лёша стал ходить в школу и на физкультуру, от которой был освобождён, записался на фехтование... До девятого класса был идеальным сыном и учеником.

И вдруг в пятнадцать лет попытка суицида. Вроде из-за несчастной любви. А потом депрессия, таблетки и через полгода наркотики... И этот последний его глупый побег из реабилитационного центра, когда он сломал ногу... Последняя попытка поговорить с ним, после которой он перестал отвечать на звонки... За что? Ну ладно эта девчонка Лида – из неблагополучной семьи, дочь наркоманки... А ведь у Лёшеньки было всё...

Она посмотрела на продолжающий светиться экран мобильного телефона... Где он сейчас? Ей хотелось надеяться, что и ему, быть может, встретится кто-нибудь, кто, как она сегодня, найдёт несколько лишних минут, чтобы выслушать и поговорить.